Л .С.Шейнбаум

ГОСУДАРСТВО И ЭТНИЧНОСТЬ ИММИГРАНТОВ
(Опыт Аргентины)

Обозначенную тему следует рассматривать в плане более широкой проблематики: «Государство и этничность», раскрывающей связи между политичес-кими и этническими категориями, между государством и самоопределяемой культурной (этнической) группой.

Сам феномен *этничности*, то есть все то, что принято относить к специфической форме межгрупповых социальных отношений и к способу идентификации, базирующемуся на осознании культурной принадлежности, активно обсуждается зарубежными и отечественными авторами, особенно в последние годы, в связи с поиском причин усилившейся в мире этнической конфликтности. В результате пересматриваются прежние и дискутируются принципиально новые трактовки связанных с этничностью основных понятий — этнической общности и этнического самосознания. Не входя в подробности выдвигаемых в последние десятилетия формулировок (см., например: *Колпаков* 1995. С.13-23), отметим лишь, что в современные интерпретации ключевых этнических понятий вводятся политические категории, роль групповых границ, в том числе государственных границ в формировании, переходе или возрождении этничности. Особое внимание обращается на недооценку в прошлом в этих вопросах роли государства.

Справедливости ради отметим, что в отечественной теории этноса, сформулированной в 1970-е годы главным образом Ю.В. Бромлеем (и подвергаемой пересмотру со стороны части современных российских этнологов), государству отводилась существенная роль. Но делалось это достаточно декларативно, без специального анализа функции государст-

ва как фундаментального субъекта и гаранта определенных внутри- и межэтнических отношений. Между тем, выявление государственных рычагов в регулировании этничности важно не только в плане теоретических разработок, но и для понимания актуальных этносоциальных проблем современности. Здесь, в частности, с неизбежностью встает вопрос о зависимости степени контроля за «выбором» этничности от типа государственного устройства, вопрос, по-сути не разработанный на сегодняшний день.

Напомним также, что на фоне возросшего интереса социальных антропологов к этно-национальным отношениям и определяющим их факторам, большое значение приобретает изучение миграций, поскольку они сыграли (в недалеком прошлом, главным образом, — в Америке) и продолжают играть (в том числе в бывшем СССР) важную роль в развитии общества, в развитии межэтнических отношений.

За время специального изучения этнических аспектов иммиграции, с конца прошлого-начала нынешнего веков, накоплен большой объем знаний и ценных «наработок». Но в большинстве своем «традиционные» исследования иммиграции, проводившиеся в основном на материале США, главное место уделяли вопросам поведения самих иммигрантских групп, таким как: адаптация к иноэтничной среде, различия во взаимоотношениях с доминирующим обществом, сложность, противоречивость процессов интеграции-отторжения, особенности ассимиляции иммигрантов на разных социальных и поколенческих уровнях и т.д.

Новым поворотом в иммигрантоведении стало то, что примерно на рубеже 70-80-х гг. все большее значение в изучении иммигрантских меньшинств стало придаваться не столько социокультурным признакам и ценностям различных групп, сколько типологическим характеристикам принимающих обществ, включая уровень развития экономики, особенности местного населения, экологидческие условия и т.п. Однако при этом все же слабо учитывалась специфика государственно-политических условий стран иммиграции. Эта сторона редко затрагивалась и в нашей литературе, почему особенно интересно показать реализацию конкретной госу-

дарственной модели в понятном стремлении правящих классов воздействовать на трансформацию этничности иммигрантов с целью наиболее быстрой их ассимиляции.

Пример Аргентины взят не случайно. Став главным центром притяжения европейских переселенцев в Латинскую Америку, она в наибольшей мере испытала влияние европейских иммигрантов (в основном, итальянцев и испанцев) на рост населения и на изменение его этнического состава. Благодаря мощному размаху массовой европейской иммиграции конца прошлого-начала нынешнего веков, Аргентина вошла в группу крупнейших переселенческих государств мира (наряду с США. Канадой и Австралией). Вместе с тем, в отличие от перечисленных стран, в Аргентине иммигранты уже в первом поколении подвергались более активному воздействию процессов интеграции и ассимиляции, приведших к трансформации этнического сознания и модификации культуры европейцев и особенно их потомков, формально и на деле становившихся частью аргентинской нации.

В расхожем представлении Аргентина стала чуть ли не синонимом Европы в Латинской Америке. Однако надо понимать всю условность, поверхостность такого сравнения. В действительности, мощный натиск извне со стороны европейцев не оторвал окончательно Аргентину от её историко-культурных корней, связанных с ближайшим «третьемировским» окружением в лице развивающихся латиноамериканских стран. Во многом этому противодействовала изначально заданная латиноамериканская модель общественно-государственного устройства, то есть комплекс государственно-политических, экономических отношений и мировоззренческих особенностей, определивших долговременное развитие культуры стран этого региона.

Логично предположить, что из-за региональной специфики, условно говоря, Севера и Юга Америки, массовая иммиграция через Атлантику последних десятилетий прошлого-первых полутора десятилеиий уходящего веков, вовлекшая в себя миллионы человек, по-разному воздействовала на изменение этничности иммигрантов и на общесоциальные процессы в Латинской и в Северной Америке (США и Канада).

В самом деле, несмотря на сходство некоторых общих закономерностей во взаимоотношениях иммигрантских меньшинств с доминирующим обществом и на преобладание одной и той же, т.н. «ассимиляционистской парадигмы» в национальном развитии США и Латинской Америки, судьбы иммиграции в целом и отдельных групп иммигрантов в этих регионах значительно разнились. Те же немцы, ирландцы, поляки, или более представительная из иммигрантских групп того времени — итальянцы — по-разному вели себя, например, в США и в Аргентине, заняли там разные социальные ниши и по-разному воспринимали себя. И если в целом для правящих классов обоих государств ассимиляция представлялась наиболее приемлемым либеральным путем решения проблем иммигрантских общин, то механизмы ее имели свою специфику во-многом потому, что специфичными были сами модели государственно-политического устройства США и Аргентины (и еще шире — стран Северной и Латинской Америки). В результате, в Аргентине, в отличие от США, государственный диктат в выборе этнической принадлежности осуществлялся более открыто и жестко, и ассимиляции иммигрантов в гораздо меньшей степени, чем в США, противостояло дифференцирующее начало. Благодаря этому, аргентинцы, в отличие от американцев, в меньшей степени сохранили культурный плюрализм и разделение населения по этническому самосознанию.

Обратимся для начала к сути типологических особенностей стран Латинской Америки, которые в наибольшей степени детерминировали механизм включения иммигрантов в этносоциальную структуру. Для этого воспользуемся мнениями специалистов, сравнивших две модели: США и Латинской Америки, условно названных ими как северо- и южноамериканская.

Северо- и южноамериканская модели

Четкая «развилка» в характере и направлениях развития Северной и Южной Америки обнаруживается уже в колониальную эпоху. Однако истоки такого расхождения видятся различными авторами по-разному. Приведем некоторые мнения, заметив, что расходясь в мотивировке первопричин, ученые

сходятся в оценке типологических различий между двумя названными моделями.

На смену упрощенному взгляду, придававшему большую значимость чисто религиозному фактору, — преобладанию католицизма на юге континента и протестантизма — на севере, пришла так называемая «цивилизационная» концепция. Религиозный аспект по-прежнему признается в ней очень важным, но акцент переносится на те моменты, благодаря которым религиозный компонент стал фактором формирования новых государственных образований.

Оперируя различием между узко религиозным, «куль-товым», и более широким, «цивилизационным», измерениями религии, авторы этой концепции по-новому оценивают перенесенные в Новый Свет европейские культурные комплексы, видя в них ядра новых «цивилизационных» моделей, унаследовавших разные исходные посылки.

По мнению крупного израильского социолога С.Н. Айзенстадта, обобщившего выводы целого ряда видных ученых прошлого и нынешнего веков, в протестантской Европе в период после Реформации общественные и государственные институты развивались в условиях частичного признания инакомыслия, следствием чего явился акцент на терпимость и равноправие в религиозной и политической сферах (*Айзенстадт* 1993. С.179). В католической же Европе периода Контрреформации, прежде всего в Испании, новые режимы формировались через подавление инорелигиозных групп. Они базировались на принципиальном отрицании законности любых инорелигиозных учений и на растущей монополизации церковью и государством сферы культуры (*Айзенстадт* 1993. С.179). Таким образом, по заключению С.Н. Айзенстадта, демократической основе (в его терминологии, «оси равноправия»), на которой строилась концепция социального порядка в протестантской Европе, противостоял принцип централизма, или «ось иерархичности», в католической Европе. Причем тенденции, характерные для этих центральных «осей» европейских обществ, усилились в ходе европеизации обеих Америк (*Айзенстадт*,1993. С.180).

Другой, более привычный для отечественного восприятия подход к проблеме истоков своеобразия двух моделей предлагает профессор Школы высших исследований по социальным наукам в Париже Р. Романо, поставивший во главу угла социально-экономические институты. Как считает Романо, именно социально-экономический фундамент сыграл определяющую роль в складывании различных систем управления в Северной и Южной Америке. Так, по его мысли, ничто другое как «разлагающее влияние феодализма» (каким бы спорным в строго терминологическом смысле ни считалось применение понятия «феодализма» к Испании или к испанским колониям в Новом Свете в XVI-XVII вв. (*Романо* 1993. С.140) лежит в основе политических и правовых институтов в Испанской Америке.

Отечественные исследователи также исходят главным образом из различий типологии социально-экономических отношений в странах Европы, легших в основу разнообразия исторического опыта в Северной и Южной Америке (Три века колониальной Америки, 1992). Несмотря на общее сходство основ колониальной модели, при которой и в испано-португальских и в английских колониях Америки политическая власть и собственность на землю принадлежали верховным правителям в метрополиях, функционирование социально-экономической системы осуществлялось в них по-разному.

К началу XYII в., то есть, ко времени колонизации Северной Америки, в развитии самой Англии имел место переход от феодального общества к буржуазному, ограничивший власть короля, которая и в классический период английского абсолютизма (вторая половина XYI в.) сдерживалась сохранением парламента, отсутствием постоянной армии и т.д. Ослабление английского абсолютизма оказывало положительное влияние на формирование и развитие североамериканских колоний. Процессы «европеизации» осуществлялись там рассеянными по территории автономными группами, зачастую протестантскими сектами, торговыми компаниями или группами фермеров. Англиканская церковь и британское пра-

вительство играли при этом формальную роль. И в дальнейшем британское государство регулировало и устанавливало нормы, но не занималось контролем, не являлось ни абсолютным собственником ресурсов, ни владельцем предприятий.

В противоположность этому, в Испании в XYI в. элементы буржуазных отношений не смогли развиться, и феодализм приобрел там черты абсолютистско-авторитарной, в одной из новейших интерпретаций, «политарной» (от греческого слова «полития» — государство) модели, при которой не отдельные феодалы, а государство в лице испанской короны распоряжалось прибавочным продуктом (Гринев 1996). В результате, в испанской Америке насаждение европейских основ в целом осуществлялось под централизованной властью короны, надолго монополизировавшей доступ к основным ресурсам колоний и в принципе лишившей их сколько-нибудь значимого самоуправления. По мнению испанского историка М.Эрнандеса Санчес-Барбы, только учреждение в ходе реформ Карла III (1788) местных интендантств (обладавших судебно-полицейской, финансовой и отчасти военной властью), ограничило власть вице-королей в заморских владениях (*Hernandez Sanchez-Barba* 1988. P.12).

Изначальные социально-экономические различия, ставшие системообразующими на ранних этапах становления новых административно-государственных формирований в Америке, оказались, как это бывает в подобных случаях, весьма устойчивыми.

В итоге, в Северной и Южной Америке возникли различные государственные модели, которые в трансформированном виде оставались доминирующими на протяжении длительного времени (и по-существу доминируют и поныне). Так, если главной отличительной чертой североамериканской модели явилось верховенство гражданского общества над государством (с развитой системой противовесов власти), то в странах Латинской Америки, неблагоприятный «ге-нетический код» дал себя знать в долговременном сохранении централизованных государственных структур, сосредоточивших реальную власть и влияние.

В контексте очерченной вкратце концепции двух цивилизационных моделей становится понятнее общая специфика государственно-политических условий массовой европейской иммиграции в Латинской Америке и в самой Аргентине, предопределивших этнотрансформационные тенденции.

Иммиграция как средство трансформации южноамериканской модели

Разные взгляды высказываются также в отношении характера и эволюции социально-экономического уклада латиноамериканских обществ по мере их перехода от колониального статуса к независимости. Войну за независимость от Испании именуют либо «буржуазной революцией», либо «незавершенной буржуазной революцией». Будучи буржуазной по своим целям, освободительная революция, однако, не привела к коренной перестройке социально-экономической сферы (История Латинской Америки, 1991. С. 219), в силу чего в последовавший после провозглашения независимости период развитие капиталистических отношений осложнялось сохранением феодальных пережитков. Отдельные ученые идут еще дальше, заявляя что в 1810-1826 гг. почти во всех странах Латинской Америки имела место не буржуазная, а феодальная революция, обеспечившая окончательный переход от феодализма колониального образца к постколониальному феодализму (*Гринев* 1996. С. 57). Имеется в виду, что после революции латифундизм (система крупного землевладения) не просто сохранился, но был расширен, и именно тогда латиноамериканский феодализм стал ведущим экономическим укладом и обеспечил себе политическое господство.

Как бы то ни было, если в странах с капиталистической системой происходит несовпадение собственности и власти, то в Латинской Америке основные рычаги власти остались сосредоточенными в руках крупнейших землевладельцев, и государство после победы в освободительной войне по-прежнему контролировало политическую и интеллектуальную жизнь.

Пример Аргентины, первой из бывших испанских колоний в Америке провозгласившей свою независимость (1810), убедительное тому подтверждение. Комплекс политических и экономических преобразований буржуазного характера, осуществленный с наибольшей последовательностью правительством Б. Ривадавии (с 1826 по 1827 гг. — президент Республики Аргентина) не коснулся собственников латифундий и не привел к коренной ломке социально-экономических отношений, сложившихся в предшествующий период. Латифундисты-скотоводы и торговцы (среди них были и представители духовенства) сохранили свои ключевые позиции в экономике и соответственно в политике, которые они использовали в своих интересах, препятствуя радикальным буржуазно-демократическим реформам. Как будет показано ниже, специфическая социальная организация аргентинского общества обеспечила жесткий контроль государства над этнокультурными процессами периода иммиграции.

Во второй половине XIX в. ряд виднейших мыслителей и политических деятелей, сторонников модернизации по примеру североамериканской модели, понимали задачу достижения прогресса в Латинской Америке в создании оптимальных условий для развития капитализма. Те из них, кому удавалось побывать в США, как это происходит нередко с нынешними российскими пилигримами, сто лет спустя, возвращались с ощущением, что побывали в «стране будущего» (Proyecto y construcción de una nación,1981, XXXYIII). Но учитывая слабость и неспособность местной буржуазии реформировать систему власти, они предложили иной путь перестройки латиноамериканской действительности — через радикальное изменение «качества» населения. По их мнению, сам человеческий материал в этих странах (метисный, индейский и негритянский) нуждался в перемене, начиная с генетических, физико-антропологических основ и кончая массовым сознанием (*Гончарова, Стеценко, Щемякин* 1995. С.115). Видный аргентинский мыслитель и общественный деятель, будущий президент Аргентины Д.Ф. Сармьенто (1868-1874), выдвинул известную формулу — «цивилизация — варварство»,

в которой европейские города, европейская культура провозглашались антитезой местной отсталости, замешанной на неосвоенных землях и дикости или варварстве населения. «Все, что не есть европейское, в наших условиях означает варварское», — уточнил мысль Сармьенто другой крупнейший либеральный мыслитель Аргентины того времени Хуан.Б. Альберди. Сармьенто и его идейные последователи в Аргентине и некоторых других странах региона выработали конкретный план, как бы сейчас сказали, «тотальной вестернизации» Латинской Америки, в котором на первом месте стояли два пункта: организация широкой кампании просвещения населения, с целью искоренения «варварских» колониальных обычаев, и массовая европейская иммиграция. На европейскую иммиграцию в Аргентине возлагалась двойная задача: заселить обширные пустующие пространства страны и преобразовать аргентинскую реальность за счет выходцев из Старого Света, носителей подлинной «цивилизации», то есть, культурных норм и образа жизни, свойственных западу (*Гончарова,Стеценко*, *Шемякин* 1995. С.115).

Вся политика поощрения европейской иммиграции, проводившаяся в ряде стран Латинской Америки со второй половины XIX в., оценивается некоторыми отечественными исследователями как попытка искусственным путем создать ту систему «слитности» и взаимного стимулирования социально-экономических и культурно-психологических условий модернизации, которая была органичной для Западной Европы и Северной Америки (Развивающиеся страны,1985. С. 514).

Но должно было пройти немало времени, прежде чем надежды, возлагавшиеся либералами на европейских переселенцев, хотя бы частично осуществились. Наиболее ощутимыми общие последствия иммиграции оказались в таких странах Южной Америки, как Аргентина, Бразилия, Уругвай и Чили. Вливавшиеся в течение нескольких десятилетий потоки переселенцев из Европы (главным образом, южноевропейцев-католиков) достигли там наиболее высоких количественных показателей, что видоизменило этнический состав населения и открыло путь некоторым структурным из-

менениям. И все же социально-политические сдвиги оказались неизмеримо более слабыми, чем демографический рост и степень обновления этнорасового облика населения, не оправдав в этом смысле возлагаемых на иммиграцию надежд. Так что в целом задача обеспечения оптимальных условий для внедрения «западной», североамериканской, модели развития общества так и не была достигнута.

«Генетические», изначальные основы латиноамериканской модели выстояли перед массовым наплывом европейцев, оказав существенное противодействие внедрению ценностей западного образца. Попытаемся глубже вникнуть в причины и механизм этого удивительного на первый взгляд феномена (имея в виду размах иммиграционного движения, малочисленность собственного населения и молодость латиноамериканских независимых государств), обратившись к конкретному опыту Аргентины.

Основополагающую причину тормозящего воздействия традиционных структур на социально-политические и этнокультурные изменения периода иммиграции и последующих десятилетий XX в. мы уже указали, говоря об особенностях латиноамериканской цивилизационной модели, о примате государства, политических институтов над гражданскими, о доминирующей роли традиционных землевладельческих элит в общественном устройстве и государственной политике вновь образованных независимых государств Латинской Америки. Другая причина, на которой мы остановимся подробнее, тесно переплетается с названными выше, но не столь широко известна и яснее вырисовывается при обращении к этнонациональному аспекту темы. Речь идет о влиянии на ассимиляционные процессы достигнутой аргентинским обществом этно-национальной зрелости. Диктат государства стал мощным фактором ассимиляции, но без предшествующей стадии этнокультурной консолидации аргентинского общества ассимиляцианистская политика вряд ли осуществлялась бы столь результативно.

Иммиграция европейцев и национальная

консолидация аргентинцев

Сложность и многозначность понятий «нация» и «национальная консолидация» ставит в трудное положение и автора, и читателя. По мнению крупного отечественного этнолога Ю.И.Семенова, в настоящее время в нашей науке соперничают по крайней мере две концепции нации (*Семенов*, 1995. С.162-163).

Согласно точке зрения американского антрополога Э. Геллнера, разделяемой влиятельными западными авторами, существенное отличие наций от других видов сообществ, в том числе этнических, заключается в их размерах и масштабах. «За небольшим исключением, нации-государства представляют собой широкомасштабные социальные системы» (Цит. по: *Скворцов* 1996. С.157). В приведенной трактовке, отдающей дань политическому содержанию понятия, нация не отрывается целиком от «этнической общности» (другой вопрос, что первично, что вторично; во всяком случае, мы разделяем мнение о ключевой роли государства, политических элит в конструировании наций и национальной-этнической идентич-ности).

Характер большинства современных наций во многом все еще определяется этничностью, но как правило отличается от прочих этнических общностей этнографической сложностью и этнической смешанностью своего состава.

Будучи порождением государства, нация не сводится к государству: государство охватывает все составляющее его население, или всех его граждан, а нация — не всегда; бывает, что нацией является только часть населения страны. В Канаде, как известно, две нации. А в той же Аргентине — одна, аргентинская нация, но в нее не включают, например, индейские меньшинства (или этнии, по аргентинской терминологии).

Четкое разграничение между нацией и государством, проводимое, например, американским ученым Э. Киссом, обнаруживает лишь очень небольшое число гомогенных национальных государств, «наиболее часто упоминаемыми примерами которых являются Португалия, Исландия и Норвегия; все остальные государства в значительной мере многоэтничны» (*Кисс* 1993. С.139). Исходя из «этнического» смысла

термина «нация», мы полагаем, что с появлением независимого государства — Республики Аргентина (1826 г.), из сложившейся ранее в границах вице-королевства Рио-де-Ла Плата испаноязычной общности выкристаллизовалось ядро формировавшейся аргентинской (креольской) нации. Борьба за государственное объединение сопровождалась ростом креольского самосознания и национальной консолидацией населения всех провинций Аргентины. Введенные вскоре после образования Республики Аргентина в обиход понятия «аргентинский народ» или «аргентинская нация» означали не просто существование гражданского общества Аргентины, а общества, осознавшего свою этнокультурную целостность.

В дальнейшем попытаемся проследить механизм взаимодействия двух составляющих — специфического олигархического режима в Аргентине, озабоченного навязчивой идеей национального единства, и уровня этнокультурной консолидации креолов — на изменение этничности европейских иммигрантов.

Характерно, что принятое в аргентинской историографии понятие «нации» отождествляется с независимым «государством» и потому за точку отсчета истории аргентинской нации берутся либо дата Майской революции 1810 г., либо день провозглашения независимости Риоплатских провинций 9 июля 1816 г. Таким образом, почти трехвековой колониальный период как бы выпадает из национальной истории. А между тем, для Аргентины, как и для всех латиноамериканских республик, он имел особое значение, поскольку в нем их исторические корни и истоки их самобытности. Без учета этого длительного периода, к концу которого в границах вице-королевства Рио-де-Ла Плата сложилась новая испаноязычная общность, а также без оценки полувекового отрезка аргентинской истории после завоевания независимости, приведшего к завершению новой фазы этно-национальной консолидации, нельзя понять характер этнических процессов периода массовой иммиграции.

Рост консолидации аргентинской нации выражался не только в принятии в 1853 г. прогрессивной конституции и в

окончательном объединении в 1882 г. вокруг Буэнос-Айреса всех 14-ти республик (как считает большинство аргентинских историков), но и в сплочении аргентинской (креольской) этнической общности, выражавшемся в укреплении этничес-кого (национального) самосознания. (Напомним, что в российской этнологии понятиями этнического и национального самосознания пользуются часто как синонимами).

В этом вопросе более близок к реальности взгляд крупного специалиста по этнической истории Аргентины, американского социального антрополога М. Шухмана, который назвал глубоким заблуждением приравнивание редкого населения Аргентины «пустыне», некоему этнокультурному вакууму, в который свободно вливались большие порции европейских иммигрантов. Он понимал под нацией двуединую, этнополитическую структуру и применительно к Аргентине это означало, что в начале 80-х гг. в Аргентине существовало «государство-нация», которое стремилось к преодолению провинциального регионализма и к объединению вокруг центральной политической власти. «Но что особенно важно, хотя и менее очевидно, — перед лицом этнической дисперсности и плюрализма [эпохи массовой иммиграции —Л.Ш.] консолидировалась собственная «аргентинская националь-ность»(*Szuchman* 1977. P. 40). Таким образом, Шухман справедливо полагал, что формирование аргентинской нации сопровождалось завершением государственно-политического структурирования общества и усилением его этнокультурного единства. Риоплатская испаноязычная общность, сложившаяся к концу колониального периода, была еще недостаточно монолитна ни в этнокультурном ни в политическом плане. Но в течение последующих бурных десятилетий отстаивания независимости Аргентины и преодоления внутренних распрей, она прошла путь ускоренного социально-политического развития, благодаря чему ее этническая консолидация поднялась на качественно иную ступень. Свидетельством тому стал рост национального самосознания, в первую очередь, — среди интеллектуальной элиты как основного генератора и распространителя идей национальной идентичности, и появление в новую романтическую эпоху

нового имени для страны и нового этнонима для граждан республики — аргентинцы.

В плане совмещенности процессов складывания политического (гражданского) и этно-национального самосознания показательна эволюция понятия «родина» («patria»): во времена вице-королей в противоположность «естественной родине» («patria natural») креолы ввели понятие «родина-мать» (для Испании); в эпоху войн за независимость с термином «patria» ассоциировался уже только американский континент. С обретением независимости начался новый процесс, в ходе которого креольские интеллектуальные элиты отказались от представления о своем континентальном единении и пришли к политической и культурной самоизоляции как граждане новых «patrias» — молодых государств, объединенных общностью интересов и культуры.

То, что риоплатские креолы никогда не считали себя испанцами ни политически, ни культурно и подчеркнуто противопоставляли свою культуру испанской, важно помнить в дальнейшем, когда речь пойдет о противодействии культурному влиянию европейских иммигрантов, более чем на треть представленных испанскими переселенцами.

Период диктатуры Росаса (1835-1852), отодвинувший на несколько десятилетий демократические реформы в Аргентине, как это нередко происходит в истории диктатур, дал сильный толчок в плане государственного объединения и дальнейшей нивелировки культуры и унификации общественного самосознания аргентинцев. Это обостренное сознание исторического единства интересов и культуры проявилось в постросасистский период в принятии конституции и в важных консолидирующих шагах правительства по переустройству страны. Благодаря этому, на рубеже 70-80-х гг. XIX в., то есть к началу массовой европейской иммиграции, в Аргентине окончательно оформилась единая для всех провинций государственная структура управления, специфическая экспортная направленность сельского хозяйства. И ее полуторамиллионное население, по крайней мере в лице просвещенных слоев общества, осознавало общность своего происхожде-

ния и культуры с характерными для нее особенностями испанского языка и креольских традиций.

Оба эти обстоятельства — завершение важной фазы государственно-политического объединения и консолидация этнического ядра нации — приобрели решающее значение для судеб европейской иммиграции в Аргентине. По сути, прибывавшие одна за другой «свежие» порции европейцев в Аргентине, как и в США, включались в уже сложившуюся ткань национальной жизни и, несмотря на высокие абсолютные и относительные размеры иммиграции, дальнейшее поведение переселенцев было детерминировано, с одной стороны, — государственной структурой (гораздо более жесткой, чем в США) и, с другой, — сложившимися на основе предыдущих трех веков образом жизни, местными обычаями и нравами населения.

Национализм на государственном уровне

В этом отношении весьма показателен сам подход к учету населения по национальному признаку. В первой всеобщей переписи населения Аргентины (официальное название - Первая Национальная перепись), проведенной в 1869 г. по инициативе президента Д.Ф. Сармьенто, из всех категорий населения различались только две: аргентинцы (около 1670 тыс.) и иностранцы (230 тыс. человек). Аргентинцы (уроженцы страны) противопоставлялись иностранцам (иммигрантам) как однородная в этническом отношении масса, без выделения в ней метисов, индейцев или негров. В данном случае отчетливо проявилась роль и методы авторитарного аргентинского государства, «сверху» и сознательно воздействующего на самосознание как урожденных аргентинцев, так и европейских выходцев. Так стал формироваться миф о «белой» Аргентине.

Аргентинские правительства на протяжении нескольких десятилетий до начала массового движения населения из Европы в Аргентину активно поддерживали политику поощрения широкой европейской иммиграции, начатую ее энту-

зиастами, президентами Ривадавией, Сармьенто и Авельянедой. При этом, уже с середины 80-х годах прошлого века первоначально заложенная в ней концепция национальной стратегии в пользу «европеизации» населения Аргентины фактически поменяла свой знак на противоположный. На этапе массовой иммиграции, когда обнаружились первые успехи земледельческих колоний и отдельных европейских предпринимателей, в высших эшелонах власти, представлявших интересы крупнейших землевладельцев, стала созревать боязнь утраты традиционных сфер влияния. Стремление креольской элиты сохранить свои привилегии и традиционную иерархическую структуру власти лежало в подтексте провозглашенного правительством нового курса — на ассимиляцию иммигрантов национальным аргентинским обществом. Важно подчеркнуть, что олигархическая система (власть крупных собственников земли и капитала) и авторитарный режим правления стали залогом реального поворота стратегии национальной политики: от «европеизации» населения к его «аргентинизации».

В аргентинской историографии существуют различные точки зрения на характер аргентинского политического режима конца XIX в.: часть исследователей определяет его как диктатуру аграрной олигархии, другие — как «олигархическую» или «элитарную» демократию. По авторитетному мнению аргентинского политолога Тулио Гальперина, несмотря на все «варварство» аргентинской политической жизни, существовавшую в то время политическую систему можно определить как элитарную демократию, поскольку все же существовали такие институты как конституция, политические партии и практика проведения выборов (*Halperin Donghi* 1972. P. 53). Однако, следует признать, что демократические институты носили более или менее формальный характер. Реальная власть оставалась в руках старой креольской олигархии, гегемония которой держалась на ее закрытости от проникновения «новых» элит в лице иностранных предпринимателей и выходцев из иммигрантов. При этом частью креольской элиты стал генералитет, и армия превратилась в Аргентине (подобно

многим странам Латинской Америки) в особую политическую силу на страже антидемократических режимов.

По мере ускоренного роста масштабов иммиграции необходимость в ограничении ее влияния на национальные устои внедрялась в умы и осознавалась во все более широких кругах аргентинского общества.

С 1886 г. и вплоть до первой мировой войны ежегодный въезд в страну иммигрантов в среднем намного превышал 100 тыс. человек, из них около 80% приходилось на итальянцев и испанцев. Высокий удельный вес итальянцев (в среднем за эти годы — 49%) и испанцев (30%), бывших в массе своей выходцами из более отсталых, южных областей Италии и Испании, определил особый этносоциальный характер аргентинской иммиграции. Принято говорить о культурно-языковой близости ее к аргентинцам (креолам) или о так называемой «равноценности цивилизаций», по терминологии зарубежных ученых.

В связи с этническим составом иммигрантов, возникает вопрос о преувеличенной боязни разных кругов аргентинского общества этно-культурного влияния европейцев. Для краткости заметим, что, во-первых, культурная близость не синоним этнической близости (даже в отношении аргентинских креолов и испанцев, о чем было сказано выше). Во-вторых, нельзя, как это нередко делается, механически соизмерять степень культурного влияния с удельным весом данной группы иммигрантов. Англичане, например, никогда не составляли значительной доли европейских переселенцев в Аргентине, но занимали важные позиции в ее экономике и оказали сильное воздействие на культуру определенной части аргентинского общества.

Несмотря на значительную реэмиграцию, то есть возвращение иммигрантов на родину, высокое положительное сальдо в иммиграционном движении (с 1857 по 1914 гг. — более 2 млн.) способствовало удвоению численности населения Аргентины к моменту второй национальной переписи 1897 г. и учетверению — к 1914 г. (до 7,9 млн.человек). Причем, число жителей иностранного происхождения выросло к этому времени с 1869 г. (первая перепись) более чем в де-

сять раз — с 230 тыс. до 2,4 млн.человек, и их доля в общей численности населения поднялась соответственно с 12 до 30% (выше этого процента она не вырастала, а с началом первой мировой войны и затуханием европейской иммиграции стала неуклонно падать). Такого наплыва выходцев из Европы не знала ни одна другая страна Латинской Америки. Достаточно сказать, что в Бразилии, втором по величине очаге притяжения иммигрантов, доля европейцев в населении составила к 1914 г. только 9%. (В целом, за 1840-1940 гг., на иммигрантов приходилось 69% общего роста населения в Аргентине и 19% — в Бразилии).

К началу первой мировой войны бизнесмены и специалисты иностранного происхождения контролировали в Аргентине большую часть средней и мелкой торговли, а также всего производящего сектора экономики. Но возраставший с каждым годом наплыв иммигрантов обгонял темпы индустриализации и соответственно спрос на рабочие руки, создавая проблемы перенасыщения рынка труда и нехватки жилья. Иностранные рабочие объединялись в профсоюзы, устраивали стачки и забастовки. На страницах печати замаячили «призраки анархии» и даже «кровавой социальной революции». Новые партии угрожали отобрать политическую власть у креольской элиты.

Многие политические и общественные деятели, не ожидавшие таких результатов иммиграции, стали подвергать сомнению основные постулаты, на которых держалась социальная и экономическая политика предшествующих десятилетий. После 1905 г. влиятельные фигуры в политике и в прессе выступали против идеологии, призванной оправдать либеральную иммиграционную политику. Вместе с этим, на смену принципов «европеизации» пришла «националистическая» идеология, основанная на превознесении креольских (аргентинских) социальных и культурных ценностей и на подчеркивании необходимости для иммигрантов принять эти ценности и стереотипы. Такая позиция, чем бы она ни была оправдана, резко контрастировала с популярными в XIX в. убеждениями в том, что местные начала (испано-американское и метисное) уступают иммигрантской основе и с самой политикой поощре-

ния иммиграции, предоставления иммигрантам всяческих льгот и свобод.

С конца 80-х годов аргентинское правительство стало препятствовать организации однородных в национальном отношении сельскохозяйственных колоний, ввело национальный испанский язык во всех высших учебных заведениях, способствовало скорейшему переходу иммигрантов в аргентинское гражданство.

Особо остро проблема сдерживания европейского влияния стояла в Буэнос-Айресе (где максимальный удельный вес иммигрантов в первом поколении достиг 50% населения), а также в столичной провинции и в близлежащем окружении, где в основном и оседали иммигранты.

Одним из инструментов привития аргентинских национальных культурных ценностей иммигрантам и в особенности их детям стал призыв бывших европейцев на военную службу. Конец дебатам в конгрессе в 1901 г. положил военный министр Ричьери, который заявил, что военная служба сплавит воедино различные этнические элементы, потому что она учит солдат патриотизму и любви к национальным институтам и традициям (*Solberg* 1970. P.144).

Призыв на военную службу распространялся только на принявших аргентинское гражданство, и поскольку активность иммигрантов в плане натурализации была минимальной, действенность этой меры в большем объеме сказалась на втором поколении иммигрантов, уроженцах страны, автоматически приравниваемых конституцией к гражданам Аргентины.

Все же, по мнению большинства общественных и политических деятелей того времени, более действенным, нежели военная служба, механизмом ассимиляции детей иммигрантов, явилась школа. Именно система централизованного массового образования с господствующей нормой поведения и шкалой ценностей должна была стать основным инструментом в проведении политики ассимиляции иммигрантов — инструментом, который давал результат в кратчайшие сроки.

В разгар иммиграции (в июле 1884 г.) был принят так называемый «Закон N1420» о всеобщем школьном образова-

нии, согласно которому вводился государственный контроль за всей системой народного образования, включая частные учебные заведения. С созданием единой светской школы значительно облегчалась задача националистического воспитания и привития аргентинского патриотизма подрастающим поколениям, включая детей иммигрантов. В свою очередь, введение обязательного и бесплатного начального образования расширило доступ к образованию всем иммигрантам, независимо от их этнической принадлежности. В результате, возросло влияние государства на развитие иммигрантских общин.

Центральной идеей системы националистического образования была ориентация программы начальной и средней школ на изучение аргентинской истории, географии Аргентины, аргентинской нормы испанского языка. Соответствующие инструкции обязывали учителей не просто давать ученикам фактическую информацию по своему предмету, но акцентировать их внимание на патриотических традициях и легендах, которые стимулировали бы любовь детей к этой стране.

Уже в 80-х годах XIX в., в контексте школьной реформы, история и география Аргентины, прежде изучавшиеся как часть общемировых истории и географии, были выделены в самостоятельные предметы. В 1888 г. был издан декрет о введении урока истории Аргентины уже с первых классов средней школы, в объеме шести часов в неделю (вместо прежних двух часов, в последних классах). Таким образом, «националистическая» пропаганда стала более действенной, охватив детей в более раннем, податливом возрасте.

Стремление правительств сделать из «чужаков» «своих» вполне оправдано и характерно для многих стран, особенно столкнувшихся с массовой иммиграцией, в том числе для США. Но такого напора, какой был у Аргентины в подчинении своей культуре обосновавшихся в ней европейцев, у Америки не было и вряд ли могло быть, имея в виду более открытую цивилизационную модель североамериканского общества.

Националистический крен в образовании вскоре значительно усилился в результате назначения президентом Национального совета по образованию известного просветителя М. Рамоса Ме-

хии (1908). Будучи одним из самых откровенных ксенофобов, Рамос Мехиа использовал свое положение для атаки на этнокультурную гетерогенность (разнородность) населения в связи с массовой иммиграцией. К сотрудничеству над выработкой программы школьного образования он призвал наиболее видных аргентинских педагогов. Через свой ежемесячный журнал «El Monitor de la Educación Común» они выражали тревогу по поводу высокого процента в их школах (49%) детей иммигрантов, убеждая общественность в необходимости «националистического» воспитания и образования молодого поколения, в целях его защиты от европейского влияния.

Сверх реформы школьных программ предпринимались неординарные меры масссированного внедрения в систему обучения национальной аргентинской символики. Так, Рамос Мехия обязал учителей начинать занятия с присяги на верность аргентинскому флагу, ежедневно восхвалять разных национальных героев и заканчивать занятия исполнением вместе с учениками гимна «Да здравствует Родина». В день 2 ноября, объявленный Днем национальных героев, все школы проводили специальные мероприятия в честь павших национальных патриотов. Использование патриотической аргентинской символики приобрело особое звучание во время ежегодных праздненств, посвященных 25 Мая — Дню независимости. В 1910 г., в день столетней годовщины аргентинской независимости, все начальные школы получили инструкцию по созданию так называемого «алтаря Отечества», к подножию которого во время исполнения национального гимна ученики возлагали цветы. Не случайно, по свидетельствам иностранных визитеров, аргентинская школа производила в то время впечатление явно озабоченной национализмом.

По замыслу блюстителей официальной идеологии, офицеры аргентинских вооруженных сил, особенно герои освободительной войны, превратились в образец нравственности и патриотизма для молодежи и все последующие поколения аргентинцев должны были учиться мужеству, любви к родине и к свободе на их примерах. В обыденное сознание школьников аргентинского и иностранного происхождения вошло представ-

ление об особой роли армии страны как сообщества национальных патриотов. Эти представления сочетались с замкнутостью, своего рода кастовостью высшего офицерского состава, доступ в который для иммигрантов и их детей был практически всегда закрыт. Что еще раз выдавало противоречивость ассимиляторской политики правительства, редко идущей дальше националистической идеологии и демагогии.

Государственная школа стала не просто местом культурного смешения детей разного этнического происхождения, но и эффективным механизмом ассимиляции второго поколения иммигрантов аргентинской культурой. В аргентинской школе дети иммигрантов оказывались отторгнутыми от культуры и традиций исторической родины, из-за чего формирование аргентинского национального самосознания и приобщение к аргентинской культурной среде шло у них здесь гораздо быстрее, чем дома.

Идея использования школы в качестве средства формирования национального аргентинского самосознания получила широкую общественную поддержку. В учебниках и других книгах для детей все, что касалось истории Аргентины, «стало окружаться ореолом величия; в них выделялись даты, события и люди, которые символизировали славное прошлое и величественное будущее Аргентины»(*Spelding* 1972. P. 43).

Частные учебные заведения иммигрантских общин также испытывали все усиливавшееся давление со стороны государства. И несмотря на все перечисленные меры, ярые националисты критиковали государство за непоследовательность и нерешительность в проведении ассимиляторской политики и требовали, чтобы в частных иммигрантских школах занятия также велись только на испанском языке. Дебаты в Конгрессе по этому поводу шли с 1894 г. по 1898 г., в результате чего законопроект о переводе всех школ на испанский язык был принят, и только вето президента, заявившего, что эта мера нарушает свободу образования и выражает ненужную враждебность к иммигрантам, не дало законопроекту обрести силу закона.

Другим объектом критики стало привлечение в государственные школы иностранных учителей. Речь в первую очередь шла о столичных школах, поскольку в Буэнос-Айресе иностранцы, по данным на 1897 г., составляли половину учительского корпуса. Среди мер борьбы с засилием иностранных учителей в 1899 г. министром просвещения был предложен декрет, по которому только граждане Аргентины могли вести в средних классах испанский язык, национальную историю, географию и гражданское право. Правительство не утвердило этот декрет, однако с 1908 г. Национальный Совет по образованию начал ограничивать прием иностранных учителей в государственные школы и регулировать их число в частных школах. С 1909 г. Совет потребовал от всех учителей-иностранцев пройти серьезную переэкзаменовку по аргентинской истории, географии и испанскому языку.

Хотя число учителей-иммигрантов после этого значительно сократилось, большинство провинциальных школ оставались, по существу, вне контроля со стороны федерального правительства и тысячи учителей-иммигрантов продолжали свою преподавательскую деятельность в провинции, в государственных и в частных школах. По данным переписи населения Аргентины 1914 г., из 26,5 тыс. учителей младших классов 3,5 тыс. родились за границей.

Государственная аргентинская школа все же стала реальным фактором трансформации этнического самосознания потомков иммигрантов, приобщения их к аргентинскому испанскому языку, впитавшему множество новообразований, к новому мироощущению принадлежности к аргентинской культуре. Согласно высказывавшемуся в аргентинской печати мнению, значение кампании по внедрению националистического образования состояло даже не столько в ее непосредственных результатах, сколько в той, почти единодушной духовной поддержке, которую она получила среди известных общественных деятелей, видевших в ней лучшее средство защиты от космополитизма.

Иммиграция и национализм в общественном

сознании

Очевидная неспособность аргентинского правительства оказать реальную экономическую и политическую поддержку иммигрантам, какая была оказана в США, чтобы они могли успешнее интегрироваться в национальную структуру общества, усилила в Аргентине необходимость в элементах давления власти в этом вопросе. Курс на внедрение аргентинских национальных ценностей, как показано выше, прослеживался в форсированной «национализации» сознания как самих аргентинцев, так и иммигрантов. Но государственные приемы управления этническими процессами с целью ассимиляции иммигрантов не возымели бы надлежащего эффекта без поддержки «снизу», со стороны наделенной национальным самосознанием просвещенной части населения (мы здесь не касаемся социальных «низов» аргентинского общества, негативная реакция которых на иммигрантов, окрещенных в Аргентине презрительной кличкой «гринго», имела, по преимуществу, социально-экономическую подоплеку).

Не без давления со стороны аргентинских государственных структур, аргентинская общественность активно подключилась к официальному курсу, ответив на иммиграцию вспышкой национализма. Американский историк К. Сольберг, изучивший этот феномен на примере Аргентины и Чили, своей монографией 1970 г. фактически положил начало новому направлению в историографии европейской иммиграции в Латинскую Америку (Solberg 1970). Одна из ключевых глав его книги носит многозначительное название: «Национализм как противоядие против иммиграции в общественном сознании в Аргентине и Чили». Приверженность аргентинской национальной культуре понималась в то время в стремлении противопоставить «европеизации» традиционные креольские корни.

Важно учесть, что еще в специфических условиях диктатуры Росаса в Аргентине начала оформляться собственно аргентинская художественная литература — показатель степени зрелости этнического самосознания. По мнению немецкого филолога-латиноамериканиста Б. Мальмберга, в Аргенти-

не вслед «за политической последовала независимость культурная и лингвистическая, завоеванная благодаря писателям, изгнанным из страны во времена террора Росаса, таким как Мармоль, Гутьеррес, Эчеверрия, Альберди и — более других — Сармьенто» (*Malmberg* 1966. P.171). Поиск самобытности в художественном творчестве привел к становлению в 60-е годы XIX в., накануне эпохи массовой иммиграции, национальной аргентинской (креольской) литературы, мифологизировавшей образ гаучо, и к утверждению единой национальной нормы государственного испанского языка.Тогда же понятия «креольский», «национальный», «арген-тинский» начали употребляться в качестве синонимов.

После официального признания в 1863 г. Испанией независимости Аргентины националистические настроения внутри креольской интеллигенции активизировались. Чтобы подчеркнуть самостоятельность креольской культуры, испанский язык Аргентины получил официальное название «idioma nacional». Тогда же в литературе в противовес понятию «hispanidad» (ориентация на испанские образцы культуры) вошло в обиход понятие «argentinidad». В качестве исторической основы национальной культуры испанской традиции противопоставлялись традиции креолов и гаучо.

В бурную эпоху рождения молодых латиноамериканских наций каждая из бывших колоний стремилась противопоставить себя Испании и своему ближайшему окружению, из которого она выделилась. Характерным становился поиск самобытных корней, обращение к истории народа, к истокам народных традиций. Иммиграция европейцев актуализировала озабоченность поисками национальной символики.

В Аргентине не нужно было «выдумывать» эту символику, она появилась достаточно органично. Длительное существование провинций Рио-де-Ла Платы на правах самой удаленной от метрополии колониальной периферии и в качестве испано-индейского пограничья способствовало культурному обособлению населения аргентинских провинций, раннему формированию креольского самосознания и специфических элементов культуры, рожденных на аргентинской почве.

Наиболее яркое выражение специфика местной культуры получила в языке и музыкальном фольклоре метисной прослойки сельского населения Рио-де-Ла-Платы — гаучо, почти до конца XVIII остававшихся своеобразной пастушеской вольницей пампы.

Усиленное совмещение в эпоху массового наплыва иммигрантов понятий-терминов: «национальный», «креольский», «гаучо» отражало реальность этнических процессов и упрочение этнического самосознания у просвещенной части аргентинского населения, стремившейся превратить эти понятия в кодовые элементы национальной психологии. Наиболее ярко это проявилось в художественной литературе. В фольклорном образе гаучо, по выражению авторитетного отечественного филолога-латиноамериканиста В.Б. Земскова, с наибольшей полнотой материализовалось этническое самосознание аргентинцев, их представление о самих себе, о своей «сущности» (*Земсков* 1977. С. 6).

Иммиграция и новые националистические концепции

Одновременно с «националистическим рывком» в школьном образовании началась обработка общественного сознания через средства массовой информации, широко представленные тогда различной печатной продукцией. Необходимо подчеркнуть, что уже с начала прошлого века в Аргентине, Чили и других странах Латинской Америки периодика и в целом развивавшиеся с каждым годом печатные издания — «los papeles públicos» — находились на достаточно высоком уровне, отличались большим разнообразием и высоким полиграфическим качеством, что повышало их роль как средства формирования общественного мнения и создания определенной культурной среды.

Используя печать, патриоты-государственники приступили к пересмотру и реабилитации имиджа уроженца страны, чаще всего метиса (в Аргентине принявшего образ гаучо, в Чили — т.н. «рото», буквально, «оборванец»), прежде столь презираемого писателями — «позитивистами», то есть писа-

телями, настроенными проевропейски. Новое, ревизионистское или антиевропейское, движение впервые обратило на себя внимание после публикации в 1903 г. Биалетом Массе трехтомного отчета национальной комиссии по труду о сравнительной производительности рабочих-уроженцев страны и иммигрантов. И хотя с 1880-х гг. аргентинская печать время от времени превозносила достоинства местного населения, Б.Массе стал первым видным ученым, взявшимся последовательно отстаивать преимущества работников-уроженцев страны перед европейцами. Воздав хвалу аргентинцам, которые работали на сахарных плантациях в провинции Тукуман, на северных шахтах в провинции Жужуй и на пшеничных полях прибрежных провинций, он заключил, что правительство серьезно ошибалось, «сосредоточив внимание только на иностранном компоненте» и не замечая «креолов, которые намного эффективнее и полезнее».

Патриотически настроенные историки и социологи подхватили идею пересмотра сравнительного вклада креолов и иммигрантов в развитие Аргентины в пользу уроженцев страны. Мало того, что последние «перевешивали» на чаше весов, они провозглашались теперь единственным реальным источником цивилизации и прогресса. Креолы и гаучо, согласно новому взгляду на историю, рисковали своими жизнями, борясь против испанского колониального господства и покоряя воинственные индейские племена пампы; иммигранты же, прибывшие «на все готовенькое», являлись лишь производительной силой, «вспомогательным фактором», способным помочь процветанию Аргентины, но ничего не сделавшим для создания в стране условий возможного прогресса (*Alsina* 1903. P. 9). Еще более радикальный характер аргентинский национализм получил у влиятельного историка Рикардо Рохаса. В известных своих публикациях 1909-10 гг. он убеждал сограждан проникнуться уважением к историчес-кому наследию испанцев и части индейцев, включенных в свое время в национальную жизнь. Потому что, по его словам, только из этих источников произошло все хорошее и достойное в характере аргентинцев (*Rojas* 1954. P. 94; *Rojas* 1909). Последова-

тель Рохаса, публицист Е.Бечер, настаивал на том, что все аргентинские писатели и политики вышли исключительно из старой испано-аргентинской, а не из новой иммигрантской прослойки.

Реабилитация и поднятие авторитета креолов шли за счет принижения репутации европейских иммигрантов. В 1910-е годы многие аргентинские интеллектуалы приходили к единому мнению о том, что в Аргентину иммигрируют европейцы «низкого качества», имея в виду преобладание среди них южных европейцев. Отвергая прежнюю концепцию об иммигрантах, — просвещенных агентах современной цивилизации, писатели-националисты изображали их безграмотными, тупыми, ленивыми и бесчестными людьми.Типичное в этом отношении высказывание принадлежит видному аргентинскому экономисту А. Бунге, который писал в 1914 г., что «наша иммиграция обладает лишь минимумом способностей и знаний, которых ждут от цивилизованных граждан» (*Bunge* 1914. P. 305).

Символом национального культурного наследия объявлялся гаучо — легендарный ковбой пампы, который уже давно фигурировал в качестве центрального образа фольклора, поэзии и драмы. Но если еще в 50-годы XIX в., несмотря на выход знаменитой поэмы Эрнандеса о трагической участи гаучо — «Мартин Фьерро», читающая публика находилась под влиянием идей Сармьенто и относилась к образу гаучо свысока, как к антитезе цивилизации, выразителю идей насилия и гражданского неповиновения, то в условиях массовой иммиграции, грозившей космополитизацией национальной культуры, этот взгляд на национальную историю и на гаучо начал кардинально меняться.

Примечательно, что традиционные элиты, претендовавшие на роль носителей подлинных национальных ценностей, присвоили себе образ гаучо как выразителя их собственных качеств. Отчасти так оно и было. Хозяева крупных животноводческих поместий унаследовали многие качества гаучо и в элитных жокейских клубах Буэнос-Айреса демонстрировали свое пристрастие к лошадям.

Идеализация образа гаучо, начатая в начале XX в., нашла свое наивысшее воплощение в прозе Л. Лугонеса. Серия его рассказов из жизни гаучо, вышедших в 1916 г. под названием «El payador», печаталась в центральной газете «La Nación» и удостоилась постановки в столичном театре Одеон, которую видел сам президент Саэнс Пенья. В образе гаучо Лугонес увидел источник основных черт национального характера аргентинцев, таких, как умение сострадать, отвага, уважение чести, верность в дружбе, щедрость и великодушие.

Ревизия имиджа гаучо, начатая Лугонесом, нашла сильную поддержку со стороны другого известного писателя, К.Бунге. Еще недавно в составленном им в 1903 г. мрачном перечне качеств гаучо — «этих испано-американских метисов», преобладали такие характеристики, как высокомерие, леность, неуправляемость, склонность к патернализму и каудильизму. Но уже в 1914 г. этот видный писатель и публицист заявил в духе времени, что нужно сохранять память о гаучо как о главном символе аргентинского характера. В этой роли гаучо выступал теперь как носитель национальных достоинств — верности, храбрости, силы духа и патриотизма.

Только немногие писатели и профессионалы в то время осуждали и в какой-то мере сдерживали национализм в культуре, называя его «классовым национализмом» и обвиняя высший класс портеньос (коренных жителей Буэнос-Айреса) в пристрастии к тем ценностям, которые оправдывают сохранение в его руках политического контроля. Наиболее серьезной критике аргентинский национализм подвергся со стороны молодых итальянских авторов. Один из них, публицист Э. Мальоне, писал, что такие национальные аргентинские ценности, как традиции насилия и гражданской анархии, не достойны сохранения. Политика насильственной ассимиляции иммигрантов «праздной и невежественной» аргентинской ментальностью только отодвинет прогресс, а рост национализма приведет к шовинизму и милитаризму. По заключению Мальоне, европейские иммигранты угрожали не аргентинской культуре, а привилегиям «землевладельческой буржуазии» (*Solberg* 1970. P. 157). Мальоне выступал против восхваления

культурного наследия гаучо и против разгула национализма в аргентинской общественной мысли.

В ответ же некоторые аргентинские националисты настаивали на том, что миллионы иммигрантов представляют угрозу не только для традиционных культурных ценностей страны, но и для самого ее существования, поскольку экспансия иммигрантских общин может привести к образованию в Аргентине «Новой Италии», или «Новой Испании». При этом они ссылались на множество расплодившихся иностранных землячеств и обществ взаимопощи, занимавших в столице центральные городские здания. К 1914 г. в Аргентине существовало более 1200 такого рода объединений, насчитывавших свыше полумиллиона членов. Из них больше одной трети принадлежали итальянским организациям и около одной пятой — испанским. Некоторым из иностранных организаций принадлежал контроль над крупными капиталами, который они осуществляли через сеть своих филиалов, расположенных во всех больших городах Аргентины и служивших связующими центрами для членов иммигрантских общин. Иммигранты общего происхождения объединялись между собой не только для получения материальной и социальной поддержки, но и для создания национальных институтов, имитировавших жизнь в бывшей родине. Принадлежавшие иностранным землячествам школы, газеты, книги на родном языке, клубы (в которых отмечались их национальные праздники), госпитали, приюты, церкви и кладбища производили впечатление своего рода государства в государстве. Но при всем этом иммигрантские общины не имели ни территориальной автономии, ни политического влияния или доступа к распределению федеральных ресурсов в пользу своих национальных групп.

В условиях жесткой централизации государственной власти в Аргентине, гораздо более высокой, чем в США, весь этот комплекс субкультуры иммигрантов, служил не столько развитию культурной автономии иммигрантских меньшинств, какую могли иметь американские иммигранты, сколько механизмом обезболивания процессов адаптации и последующей

ассимиляции иммигрантов в принимающем обществе. Сама система иммигрантских институтов выполняла сложную функцию: с одной стороны, — возмещая разлуку с родиной, с другой, — притупляя тоску по ней. Иммигрантские связи не давали входа во властные аргентинские структуры и не обеспечивали динамичную социально-эконо-мическую мобильность рядовым членам землячеств. В результате, после прекращения массовой иммиграции, горизонтальные, этнические связи внутри иммигрантских общин стали неуклонно вытесняться вертикальными, то есть связями на региональном и общенациональном аргентинском уровнях. В частности, к такому выводу в результате анализа наиболее массовых — итальянских — организаций пришел аргентинский иммигрантовед Марио Нассимбене (*Nascimbene* 1988).

Впрочем, возможность европейской экспансии в Аргентине представлялась многим националистам менее реальной, чем способность иммигрантов оказать влияние на то, что в Аргентине тогда называли «национальным характером» — на традиционный образ жизни и культурные нормы, выработавшиеся у креольского населения страны в течение нескольких столетий. Эта проблема впервые привлекла к себе внимание в 1897 г., когда группа итальянских иммигрантов затребовала правительственного разрешения на возведение в Буэнос Айресе памятника в честь Гарибальди, на что часть конгрессменов отреагировала бурным протестом. Свой отказ они мотивировали таким серьезным, по их мнению, доводом, что памятники как национальный символ помогают формировать национальный характер и потому вопрос о монументах иностранным героям не может стоять на повестке дня, когда наплыв иммигрантов и без того угрожает «националь-ной душе». В конечном счете конгресс все же уважил просьбу итальянцев, но сам прецедент показал, что «культурный» национализм нашел значительную поддержку среди депутатов.

Вскоре об опасности, которую иммиграция может представлять для воспитания аргентинского национального характера, заговорили драматурги и театральная общественность. В пьесе Ф.Санчеса «La Gringa», изображавшей отно-

шения между иммигрантами и креолами, иностранная угроза исходила от итальянца, который не проявлял должного уважения к традиционным символам креольской культуры. Вслед за драматургами об опасности культурного влияния европейских иммигрантов заговорили прозаики. Так, в ставшем популярным рассказе К. Окантоса с симптоматичным названием «El peligro» (опасность) звучит страх перед культурным влиянием европейцев, могущим до неузнаваемости изменить национальный характер.

Обоснованием подобных страхов послужила восприимчивость испаноязычных аргентинцев к заимствованиям из языков иммигрантов, более всего — из итальянского, французского, немецкого и английского. В 1900 г. вышла книга преподавателя французского языка в Национальном колледже в Буэнос-Айресе Л. Абеля, в которой автор приветствовал трансформацию национального языка аргентинцев под влиянием массовой иммиграции. В его понимании, проникновение в испанский язык Аргентины множества слов и выражений из языков иммигрантов должно было создать в будущем новый «необычайно обогащенный, гармоничный и красивый» язык. На что тотчас же последовала негативная реакция со стороны аргентинских националистов. Видный аргентинский социолог Э. Кесада выпустил в том же году подряд две книги, основной тезис которых сводился к тому, что язык является вместилищем и хранилищем национального духа. Кесада убеждал аргентинцев в том, что только защищая от загрязнения свой язык, они смогут сохранить в целости свой национальный характер.

Судя по широкой кампании в прессе, пропаганда чистоты национального языка и культуры пользовалась поддержкой власть имущих. Реагируя на книгу французского автора, известный аргентинский дипломат Мигель Кане в своих статьях в центральной газете «La Nación» настаивал на том, что иммигранты портят язык аргентинцев и что на этом шатком фундаменте никогда не сможет вырасти хорошая национальная литература. А это, в свою очередь, затормозит национальное развитие Аргентины, поскольку «от хорошей литературы зависит культура, прогресс и цивилизация». Напротив, использова-

ние плохого (испорченного европеизмами) языка, вторил ему криминалист Э. Гомес, ассоциируется с задворками культуры и с низшими категориями населения. В качестве аргумента он ссылался на получивший широкое распространение в Буэнос-Айресе воровской жаргон — люнфардо — из смеси испанского и итальянского, который он назвал самой дегенеративной формой аргентинского испанского языка.

Сердитые и подчас экзальтированные отклики на книгу преподавателя французского языка появлялись вплоть до начала первой мировой войны, свидетельствуя о всплеске национального самосознания среди аргентинской интеллигенции. В 1913 г. один из публицистов журнала «Revista de educación» (г. Ла Плата), утверждал, что иностранцы своим испорченным жаргоном пытаются засорить национальный язык аргентинцев, являющийся по патетическому заверению автора «одним из самых богатых и наиболее выразительных языков на земле».

Многие видные интеллектуалы через средства массовой информации нарочито драматизировали ситуацию, чтобы предотвратить или смягчить негативные, по их мнению, последствия полиэтничности и культурного смешения, которые, по их мнению, угрожали суверенитету аргентинского языка, аргентинской литературы и аргентинского национального характера с его традиционным патриотизмом. Примечательно, что аргентинское танго, первоначально (на рубеже веков) исполнявшееся иммигрантами и бывшими гаучо в борделях портовых окраин Буэнос-Айреса и к 1910 г. приобретшее популярность в шикарных танцевальных салонах аргентинской столицы, было объявлено любимцем публики, писателем М. Галвесом, «отвратительным музыкальным гибридом и печальным символом аргентинской денационализации».

Сам Галвес принадлежал к молодому поколению провинциальных аргентинских писателей, которые, переехав в Буэнос-Айрес, были поражены прежде всего царившей здесь атмосферой большого европейского города. Отвергая космополитизацию Буэнос-Айреса, Галвес, Рикардо Рохас и другие выходцы из городов западной (внутренней) части страны пропагандировали традиционные обычаи провинциальной

жизни, в малой степени затронутой иммиграцией. Традиционные ценности и институты, сформировавшиеся на протяжении столетий в аргентинской глубинке, в восприятии этих людей составляли подлинное культурное наследие Аргентины, которое нуждалось в защите от европейцев. Эта позиция в корне отличалась от либеральных социальных идей полувековой давности и свидетельствовала об изменениях в самосознании образованной прослойки аргентинского общества. Как мы говорили выше, в противоположность писателям-позитивистам поколения Сармьенто, автора известной формулы «цивилизация-варварство», новые интеллектуальные лидеры обвиняли в «варварстве» не индейцев и метисов, а самих иммигрантов, видя в них угрозу аргентинской «цивилизации», поскольку, по их мнению, иммигранты угрожали разрушением уникальной «национальной души».

На этом общем фоне выделялись несколько писателей-иммигрантов, выступавших против предубеждений по отношению к иностранцам, хотя и делавших это со своеобразной, «проаргентинской» позиции, поскольку главной их целью было опровергнуть опасения в связи с якобы грозящей Аргентине «денационализацией» культуры. Одним из них был Г. Диро, приехавший в Аргентину из Франции в 1868 г. в возрасте 19 лет и сделавшийся здесь богатым коммерсантом. В автобиографической книге с символичным названием «Las dos patrias» (1906) он старательно убеждал аргентинских читателей в том, что все французы заводят в Аргентине новые семьи и, приспосабливаясь к местному окружению, полностью ассимилируются. Подобным же образом выходец из России А. Герчунофф оспаривал разделявшуюся многими точку зрения, согласно которой еврейские колонисты якобы никогда не смогут ассимилироваться в Аргентине и навяжут ей свои культурные нормы. В популярном сборнике его рассказов «Los gauchos judios»(1910) еврейские фермеры в провинции Энтре-Риос живут жизнью настоящих гаучо, почти ничем от них не отличаясь, хотя и сохраняют при этом свою религию. (Сам автор, сын еврейских иммигрантов, был принят в Общество аргентинских писателей, куда входили виднейшие национальные писатели: Хорхе Луис Борхес, Энрике Латтера

и Рикардо Гуиральдес. В это же общество вошел позднее поэт Сесар Тьемпо, приехавший в Аргентину ребенком с Украины).

Другим защитником иммиграции стал известный в испаноязычном мире аргентинский социолог Хосе Инхеньерос. Сын итальянцев, Инхеньерос демонстрировал собственный аргентинский патриотизм, доказывая, что тревоги по поводу слабой ассимиляции европейцев излишни. В «Социологии Аргентины» (1913) он выражал уверенный оптимизм относительно скорой аккультурации иммигрантов в Аргентине.

Подытоживая, подчеркнем, национализм в аргентинской печати явился реакцией на массовую европейскую иммиграцию и имел своей целью стать надежным средством защиты национального культурного наследия. По словам К. Сольберга, концепция аргентинского национализма была во многом культурной и ностальгической; она требовала почтительного отношения к выработанным несколькими столетиями креольским культурным ценностям, к патриотическим символам, которыми украшались эти традиционные культурные ценности. Добавим, со своей стороны, что насаждение национальных мифологем, «обучающих этничности» иммигрантов (и самих аргентинцев), находило воодушевленный отклик среди просвещенной части аргентинского общества, осознающей свою принадлежность к особой, креольско-аргентинской национальной культуре.

В Чили разочарование в космополитизме и в достигнутом с помощью иммиграции прогрессе было еще более глубоким, чем в Аргентине. Но негативная реакция интеллектуалов на иммиграцию приобрела в обеих странах различные формы. Аргентинский национализм осуществлялся на этнокультурной почве и, пользуясь словами того же К. Сольберга, был по своей природе романтическим и ностальгическим; он черпал из прошлого символы, которые представляли ценность для высшего класса, жаждавшего привить их иммигрантской массе. В Чили же иммиграция была не столь многочисленной, чтобы представлять угрозу «национальному характеру» и потому рост национального самосознания не принял там

форму широкой культурной кампании за традиционные национальные ценности. В отличие от Аргентины, в Чили борьба национализма с космополитизмом велась преимущественно в сфере экономики, в оспаривании курса либеральной экономической политики правительства. Чилийские «националпатриоты» добились известного успеха, убеждая общественность в том, что поощрение экономических свобод помогает иностранцам завладеть национальной коммерцией, промышленностью, селитровыми рудниками и свободными землями. Идеи, высказывавшиеся чилийскими писателями в начале XX века, со временем пустили прочные корни. Под давленим интеллектуальной общественности правящие круги приступили к проведению политики экономического национализма, характерной для этой страны, вплоть до прихода режима Пиночета.

Ассимиляция иммигрантов и так называемый фактор «границы»

Аргентинскую модель поэтапной ассимиляции иммигрантов нельзя, как это нередко делалось, отождествлять с «плавильным котлом», в котором смешивались представители разных наций, чтобы в результате создать новую нацию иммигрантов. «Плавильного котла» в таком чистом виде никогда и не было. Разумеется, прибытие в Аргентину крупных контингентов переселенцев из разных стран Европы (в подавляющем большинстве близких аргентинцам по культуре испанцев и итальянцев) приводило к их смешению и культурному взаимовлиянию, тем более, что большая часть иммигрантов сосредотачивалась в урбанизированном поясе с центром в Буэнос-Айресе. Через тесное «общежитие» в дешевых доходных домах (т.н.«конвентильо»), через общую работу на фабриках и заводах, и, наконец, через рост смешанных браков неизбежно происходило взаимопроникновение различных культур. Но при этом диалектика сложных этнических процессов определялась существованием в Аргентине централизованного авторитарного государства и правящей элиты, наделенной национальным самосознанием, и прово-

дившей ассимиляторскую политику. Европейские иммигранты с неизбежностью подвергались «аргентинизации», стереотипом которой были отношения: хозяин-клиент (в любом случае человек, говоривший на испанском языке, почитавший национальных героев, ценивший мужскую дружбу и горький, обжигающий напиток гаучо — мате, заимствованный ими у индейцев гуарани).

По образному высказыванию французского писателя Жака Мадуля, побывавшего в Аргентине в 40-х гг. XX в., подобно тому, как европейские лошади становились когда-то дикими в новом природном окружении Рио-де-Ла Платы, сыны Европы в Аргентине дичали и превращались в гаучосов. В словах Жака Модуля, как и в рассказах о евреях-гаучо Гер-чунова, содержится некая метафора, помогающая понять феномен Аргентины: одной из причин стойкости тех или иных проявлений креольской культуры перед лицом наводнившей страну иммиграции было сохранение старых порядков и той специфики, хозяйственной и природной, тех источников, которые питали и продолжали питать народные традиции.

Государственный режим и официальная политика способствовали тому, что аргентинская культура оставалась «правящей» и «переваривала» иноэтничные элементы, вбирая и адаптируя их на собственной традиционной основе. В результате сама эта основа претерпевала неизбежные модификации, подобно тому, как это происходит с любой культурой, когда она интегрирует иноэтничные элементы, проникающие извне другими путями, не через их массовых носителей. Хотя о полной аналогии здесь, разумеется, говорить не приходится, поскольку фактор массовой иммиграции стоит впереди других внешних условий по силе культурного воздействия.

В одном из путеводителей по Аргентине приводился шуточный, «кулинарный» рецепт приготовления «среднего аргентинца», для чего предлагалось взять по порядку: широкобедрую индейскую женщину, двух испанских кабальеро, трех гаучо с сильно смешанной кровью, одного английского путешественника, половину овцевода-баска и щепотку черного

раба; выдержать все это на слабом огне в течение трех столетий, затем добавить пять крестьян с юга Италии, одного польского (можно немецкого или русского) еврея, одного лавочника-галисийца, три четверти ливанского торговца, а также целиком французскую проститутку; дать отстояться еще 50 лет и подавать в форме под брильянтиновым соусом («Латинская Америка»,1990. С.85). В этой шутке больше истины, чем во многих научных и популярных изданиях, из которых следует, что аргентинцы — это всего лишь потомки европейских иммигрантов.

Элементы культуры европейских переселенцев во многом обогатили аргентинскую культуру и на бытовом, и на профессиональном уровнях. Перечень их требует особого места. Вместе с тем, преемственность с прошлым воплотилась в обновленной аргентинской нации во многих традиционных для нее параметрах. Иммигрантские же общины, включая самые крупные, итальянские и испанские, утеряли большую часть своей культуры и организационных связей, и не имеют ни терриоториальной, ни культурной автономии.

Наши выводы строятся до некоторой степени на общих рассуждениях, поскольку точных измерений степени ассимилированности представителей этнических групп на материале Аргентины не проводилось (инструментарий для такого рода измерений, основанный на т.н. теории валидности, впервые предложен и применен в США). Но что особенно важно и бесспорно, так это сохранение испанского языка аргентинцев, общеаргентинского самосознания, общих, идущих из прошлого пристрастий аргентинцев (в быту, в проведении досуга, в развлечениях, музыке, спорте), в культе пампы, гаучо и танго. Национальное самосознание бывших иммигрантов отличается многослойностью, но имеет общую со всеми аргентинцами часть и опирается на аргентинскую культурную традицию. Таким образом, какими бы существен-ными ни оказались происшедшие изменения, они не вышли за рамки допустимых в процессе развития единого этноса, хотя вследствие наплыва европейцев процесс завершения этнической консолидации населения всей страны отодвинулся на многие десятилетия.

Надо признать, что сложный вопрос о национальной сущности аргентинцев слабо изучен, и это вполне понятно. По верному замечанию современного этнолога из США Н. Ульянова, нация есть величайшая определенность и величайшая неопределенность (*Ульянов* 1996. С.110). Сохранение у множества аргентинцев наряду с общеаргентинским «вторичного» самосознания принадлежности к потомкам выходцев из тех или иных европейских стран дает основание аргентинским ученым ставить под вопрос наличие в современной Аргентине единой этнонациональной общности, но нам представляется, что для подобных сомнений нет достаточных оснований. Сам Хорхе Луис Борхес, великий аргентинский писатель, поэт и мыслитель, не сомневался в том, что хотя определить национальную сущность аргентинца было бы очень трудно, все же «аргентинцы знают или скорее чувствуют, что означает быть аргентинцем, — а это куда важнее любого определения». Руководствуясь интуицией (а иначе здесь нельзя), он был уверен в том, что такое этнокультурное явление как «аргентинец», имеет место, что «не нуждаясь в определениях, мы чувствуем, что аргентинец отличается от испанца, от колумбийца или от чилийца и что он очень мало отличается от уругвайца...». Аргентинский аромат он ощущал не только в поэзии гаучо и в романах в стиле гаучо Гутьерреса и Гуиральдеса, которые сознательно стремились к этому, а в реальной жизни людей, в самой интонации их речи. И хотя определить манеру речи аргентинца трудно, по признанию Борхеса, «не успеет человек открыть рот, как мы уже знаем, аргентинец он или нет и из какой области он родом» (*Борхес* 1994. С. 443). Другими словами, по Борхесу, аргентинцы — не просто граждане Аргентины, а общность людей, наделенных представлением о своей самобытности, сознающих специфику своей культуры.

Согласно аргентинским источникам на 1980 г., доля европейских иммигрантов в населении страны сократилась до 7%. Действующие иммигрантские землячества малочисленны и функционируют в узких сферах культуры. Что же касается большой части урожденных аргентинцев, сохраняющих память о своем ев-

ропейском происхождении, то за исключением немногих групп (евреев, арабов и некоторых других), в настоящее время вряд ли возможно вычленить их субкультуру на популяционном или этническом уровнях. Бывшие испанцы, итальянцы, французы, немцы, поляки и др. утеряли свои языки и этнические связи, став неотъемлемой частью аргентинской нации. Хотя «амбивалентность», то есть двойственность, их этнического самосознания до конца не преодолена.

В США сложилась несколько иная ситуация. И дело здесь не только и не столько в различиях, связанных с разными масштабами, национальным составом и продолжительностью массовой иммиграции в эту страну, сколько в особенностях социально-политических моделей, о чем мы говорили вначале.

Ассимиляционная политика проводилась в США даже более последовательно, чем в Аргентине, в том смысле, что упор в этнической стратегии делался на широкую «структурную», или экономическую интеграцию. Но более высокая степень свободы выбора, определявшаяся степенью демократизации американского общества, способствовала созданию в США модели так называемой «плюралистической интеграции», допускавшей длительное существование этнических групп, сохранявших язык и специфическую субкультуру. Кроме того, различные процессы в рамках «модернизации» — индустриализация, урбанизация, умножение связей, рост массового образования, оказавшие большое влияние на ассимиляцию иммигрантов, — не смогли преодолеть социальных и экономических барьеров на пути национальной интеграции ряда инорасовых и инорелигиозных этнических меньшинств. Наличие внутри американской нации этнических сообществ, сохранивших двуязычие и особую субкультуру, настаивающих на равных гражданских правах, заставило американских антропологов говорить о многоэтничности или полиэтничности американской нации, о самом феномене возрождения этничности, то есть обращения новых поколений к своим корням и поиска этнической идентичности.

В Аргентине, как и в США, в указанный период не существовало официальных запретов на какие-либо занятия, на-

правленных против европейцев. Но доступ иностранцев к важнейшей собственности — собственности на землю — был здесь серьезно осложнен, а для основной массы иммигрантов — практически закрыт. Данные профессиональной занятости населения Буэнос-Айреса на 1914 г. показали высокую степень экономической интеграции иммигрантов и, вместе с тем, четкую профессиональную стратификацию по этническому принципу, в которой аргентинцы занимали верхние этажи иерархической пирамиды, а иностранцы — средние и нижние. Так, аргентинцы представляли подавляющее большинство среди военных (более 95%), адвокатов (90%), судей (70%), собственников земли (75%) и собственников крупных торговых предприятий (75%). В то время как иммигранты составляли 87% рабочих, 80% — ремесленников, 80% — транспортного персонала, 75% собственников мелких и средних торговых и промышленных предприятий (Bourde 1974. P. 222-227). Вхождение во властно-административные структуры для иммигрантов было закрыто.

Европейцы и их потомки в Аргентине больше, чем в США, чувствовали ограниченность своих ролей и стремились расширить социальные границы единственным широкодоступным путем, через «аргентинизацию», являвшуюся залогом жизненного успеха. Влияние фактора внутренней, социальной «границы» на ассимиляционные процессы общеизвестно, хотя и недостаточно изучено. Чем более иерахична социальная структура общества, тем роль этого фактора выше.

Жесткие статусные, классово-социальные границы аргентинского общества на протяжении долгого времени оставались фактором давления на иммигрантские структуры. Чтобы преодолеть эти барьеры на пути к динамичной социальной мобильности иммигрантов, иностранные организации должны были «аргентинизироваться». Показателен в этом отношении пример самых многочисленных — итальянских, обществ в Буэнос-Айресе. По заключению цитировавшегося историка итальянской иммиграции в Аргентине М. Нассимбене, важным фактором трансформации крупных итальянских организаций и их постепенного вытеснения общеаргентин-

скими (религиозными, профсоюзными, образовательными, спортивными) стала необходимость вхождения итальянских лидеров в социально-политические элиты аргентинского общества, где корпоративные этнические интересы вытеснялись общерегиональными и общенациональными (*Nascimbene* 1988. P. 68).

Вместо послесловия

В начале XX в. аргентинские правящие элиты стремились использовать национализм для оправдания и закрепления своих доминирующих позиций. Они признавали ценность иммиграции только в качестве источника дешевой рабочей силы и не допускали перераспределения земли, которое позволило бы массам фермеров-иммигрантов заселить обширный и безлюдный интериор, то есть внутренние области страны. Отчаявшись в возможности приобрести собственную землю, десятки тысяч иммигрантов в конечном счете оседали в Буэнос-Айресе, где они присоединялись к тем сотням тысяч, которые устраивались в столице Аргентины сразу после прибытия. В итоге, несмотря на десятилетия массированного притока иммигрантов, аргентинские внутренние провинции так и остались редконаселенными, и огромный сельскохозяйственный потенциал страны так и не был в полной мере реализован.

Между тем, в первые годы XX в. европейские переселенцы, наводнившие Буэнос-Айрес и несколько других крупных городов приатлантической зоны, начали движение за социальные, экономические и политические изменения, с целью ослабить монополию власти крупных земельных собственников. К 1910 году аргентинский высший класс оказался перед дилеммой: остановить иммиграцию или продолжить ее поощрение. Иммигранты в первом и во втором поколениях бросили вызов господству традиционной политической и социальной элиты, но те же иммигранты существенным образом обеспечивали благосостояние этой элиты. Последнее соображение перевесило, и было принято решение продолжать

содействие иммиграции, ограничив при этом въезд в страну анархистов и прочих сомнительных элементов (пока мировая война и Великая депрессия 1929 г. вовсе не парализовали европейскую иммиграцию в Аргентину).

Перед лицом болезненного выбора правящие верхи сделали основную ставку на националистическую пропаганду с целью привития иммигрантским массам уважения к своим традиционным культурным ценностям, провозглашенным в качестве подлинно национальных. Расчет делался на то, что в конечном счете «аргентинизировавшиеся» иммигранты воспримут вертикально-иерархическую структуру аргентинского общества (подданный — власть, клиент — патрон) и откажутся от «иностранных» идей демократии, социализма и анархосиндикализма. Публичная школа оставалась главным проводником в передаче традиционных креольских ценностей иммигрантам и их детям.

Кампании по усилению культурного национализма принесли успех по части патриотического воспитания, но не смогли предотвратить рост социального и политического значения выходцев из иммигрантской среды. Тем временем иммигрантский средний класс все больше становился аргентинским средним классом и все меньше иммигрантским. В 1930-гг. дети и внуки иммигрантов с жаром демонстрировали приверженность своей «новой» родине и местной, креольской, культуре. Молодые отпрыски итальянцев, испанцев и российских евреев с энтузиазмом штудировали т.н. литературу гаучо, выкрикивали патриотические лозунги и с удовольствием воспринимали аргентинские обычаи, например, пристрастие к мате и к зрелищу аргентинского родео. В провинции можно было видеть молодцов, экипированных с ног до головы как гаучо. Констатируя результаты тиражировавшегося культа гаучо, тот же Борхес писал,что спустя пятьдесят лет с начала иммиграции в «нашей стране полным-полно гаучо — чего не было прежде, когда страна была креольской».

Политические партии и их лидеры умело использовали все те же символы в духе гаучо, демонстрируя свой аргентинский патриотизм. Но наиболее преуспел в этом Хуан Перон, нацио-

налистический диктаторский режим которого (1946-1955) интегрировал разнородные массы населения в политическую жизнь Аргентины. Тот же механизм националистического воспитания, который в течение более чем четырех десятилетий применялся для защиты привилегий правящей элиты, Перон использовал как часть своей политики, направленной на подрыв монопольной власти землевладель-ческой олигархии в пользу новой, промышленной элиты Буэнос-Айреса.

Однако, следование жизненному стилю портеньо оставалось при этом фактически необходимым условием для достижения успехов в предпринимательской и общественной деятельности, так что новая торгово-предпринимательская олигархия оставалась внутренне столь же недемократичной, как и традиционная. В целом же Перон значительно консолидировал психологию аргентинцев и продвинул процесс «аргентинизации» иммигрантов и их потомков. Перонистская националистическая доктрина, выдвинувшая на первый план идею объединения вокруг сильной патерналистской власти всех граждан на основе их принадлежности к аргентинской нации, оказала большое влияние на стандартизацию общественного самосознания аргентинцев и на упрочение иерархической, корпоративной модели «клиента-патрона». Инерция законов формирования высших государственных структур продолжала сказываться на характере социально-политической системы аргентинского общества, в которой доступ к власти обеспечивался сращиванием интересов старой землевладельческой элиты и новых крупных предпринимателей и бизнесменов. Через «аргентинизацию» и интеграцию (семейственную, финансовую) с традиционной элитой новые политические лидеры преодолевали до последнего времени статусные границы для вхождения во властные органы. На такой «аргентинской» основе происходила и происходит своего рода демократизация исторически заданной социально-политической модели.

Точно так же, то есть через тенденцию к «аргентинизации», реализуют сейчас свои надежды на социальное обеспечение и безопасность немногочисленные европейские общины в Арген-

тине. Пример тому — современные поляки (*Stemplowski* 1985-1986. P.173).

В заключение можно кратко суммировать итоговые выводы, вытекающие из анализа приведенного материала.

1) В Аргентине этнические процессы периода иммиграции направлялись «сверху» (через сложную систему принудительных, ограничительных и охранительных мер) в жесткое русло ассимиляции иммигрантов.

2) При этом эффективность ассимиляционной политики (вопреки высокому удельному весу европейских иммигрантов в населении Аргентины) достигалась, с одной стороны, за счет сохранения латиноамерикнской цивилизационной модели и традиции тоталитарного государственного режима, державшегося на власти крупной земельной собственности и не признававшего иных отношений, кроме вертикально-иерархических, и, с другой стороны, — благодаря достаточно зрелой степени консолидации креольской (аргентинской) этнической общности, достигнутой ею к 70-80-гг. XIX в. (в период, когда европейская иммиграция приобрела массовый характер).

3) Государственная националистическая политика подкреплялась креольским национализмом «снизу» и наоборот. Все это, вместе взятое, не позволило массам европейского населения, хотели они того или нет, серьезно противостоять культурной ассимиляции и интеграции и сформировать новые этносы или новую, в полном смысле европеизированную нацию.

Айзенстадт С.Н. Культура, религия и развитие в североамериканской и латиноамериканской цивилизациях. // Международный журнал социальных наук. М., 1993. № 1

Борхес Х.Л. Сочинения в трех томах. М.,1994. Т. 3.

*Гончарова .В.,А.К.Стеценко,Я.Г.Шемякин.*Универсальные ценности и цивилизационная специфика Латинской Америки. М.,1995.

Гринев А.В. «Колониальный политаризм» в Новом Свете. // «ЭО»,1996. №. 4.

Земсков В. Аргентинская поэзия гаучо. М., 1977.

История Латинской Америки. Доколумбова эпоха — 70-е годы XIX века. М., 1991.

Кисс Э. Национализм реальный и идеальный. Этническая политика и политические процессы. // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М.,1993.

Колпаков Е.М.«Этнос и этничность» // ЭО, 1995. № 5; *Тишков В.А.* «О феномене этничности» // М, 1997.

Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. М.,1985.

Романо Р. Институциональное наследие американских колоний. // Международный журнал социальных наук. М.,1993. № 1.

Семенов Ю.И. Общество, этнос, нация. // Этнополитический вестник. М., 1995. № 4.

Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. М.,1996.

Три века колониальной Америки. О типологии феодализма в Западном полушарии. СПб, 1992.

Ульянов Н. «Патриотизм требует рассуждения». //«ЭО», 1996, № 5.

Alsina J. Población, tierras y producción. Buenos Aires, 1903.

Bourde G. Urbanisation et immigration en Amerique Latine: a caso de Buenos Aires. Paris,1974.

Bunge A. E. Los desocupados y la destribución del trabajo. // Estudios, 1914. ¹ VII.

Halperin Donghi. Revolución y guerra. Formación de una elite dirigente en la Argentina criolla. B.A.,1972.

Hernandez Sanchez-Barba M. Formación de las naciones iberoamericanas (siglo 19). Madrid,1988.

Malmberg B. La America hispanohablante. Madrid, 1966.

Nascimbene M.C. Historia de los italianos. Buenos Aires, 1987.

Nascimbene M.C. Los italianos y la integración nacional. Buenos Aires, 1988.

Proyecto y construcción de una nación (Argentina 1864-1880). Caracas, 1981.

Rojas R. Blason del Plata. B.A. 1954, p.94; Rojas R. La restauración nacionalista. Buenos Aires, 1909.

Solberg C.Immigration and Nationalism. Argentina and Chile 1890-1914. Austin, London,1970.

Spelding H.A. Education in Argentina, 1890-1914: The Limits of Oligarchical Reform./ The Journal of Interdisciplinary History. Cambridge, 1972. V.3. ¹ 1.

Stemplowski R. Los colonos eslavos del Nordeste argentino (1897-1938). Estidios latinoamericanos. Wroclaw,1985-1986. ¹.10.

Szuchman M.D. The Limits of the Melting pot in Urban Argentina. Marriage and Integration in Cordoba. 1869-1909. The Hispanic American Historican Review. Durham,1977. № 1.